

ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

№ 21

1 ноября.

№ 21

Цѣна годового изданія, выходящаго 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2 печатныхъ листовъ. 5 р. съ доставкой и пересылкою.

За страницу объявленія—10 р., 1/2 стр.—6 р. и 1/4 стр.—3 р.

Адресъ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Воскресенскій просп., д. № 18.

Адресъ о. редактора: Таарическая ул., д. № 21, кв. 17. Телефонъ 201—40.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Распоряженія о. Протопресвитера.

Къ Суворовской Кончанской, что при ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской военной Академіи, церкви прикомандированъ діаконъ Петрозаводскаго кафедральнаго собора Тимошей **Скобелевъ**, безъ отпуска содержанія отъ казны (28 сентября).

Исключенъ изъ списковъ военнаго духовенства уволенный, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, отъ службы по военно-духовному вѣдомству въ отставку благочинный 6 пѣхотной дивизіи, протоіерей 21-го пѣхотнаго Муромскаго полка Теодоръ **Ждановъ**.

Къ церкви Муромскаго полка, съ званіемъ благочиннаго названной дивизіи, назначенъ протоіерей церкви 4-го Кубанскаго пластунскаго баталіона Іоаннъ **Покровскій**, вакансія котораго предоставлена протоіерею церкви Воронежскаго дисциплинарнаго баталіона Павлу **Бартеневу**; на мѣсто послѣдняго перемѣщенъ штатный судовой священникъ бригады подводныхъ лодокъ Балтійскаго моря Алексій **Сербовъ** (8 октября).

Исключенъ изъ списковъ военнаго духовенства состоящій на вакансіи псаломщика церкви Тифлискаго военнаго госпиталя священникъ Александръ **Румянцевъ**. На вакансію псаломщика къ церкви Тифлискаго военнаго госпиталя, согласно прошенію, по болѣзни, назначенъ штатный судовой священникъ крейсера „Паллада“ Александръ **Цвѣтковъ**, вакансія котораго предоставлена священнику Калужской епархіи Петру **Любимову** (8 октября).

Исключены изъ списковъ военнаго духовенства: уволенный, согласно прошенію, по преклонному возрасту, въ отставку протоіерей церкви 23 артиллерійской бригады Іоаннъ **Поповъ** (8 октября) и умершій протоіерей церкви л.-гв. Кирасирскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка Александръ **Гнѣдовскій** (12 октября).

Къ церкви 23 артиллерійской бригады перемѣщенъ священникъ церкви 113 пѣхотнаго Старорусскаго полка Григорій **Солодовниковъ**, вакансія котораго предоставлена прикомандированному къ церкви 17 артиллерійской бригады, священнику штаба Варшавскаго военнаго округа Константину **Михайлову**; на мѣсто послѣдняго назначенъ священникъ Минской епархіи Стефанъ **Кучинскій** (16-го октября).

На вакансію священника къ церкви л.-гв. Кирасирскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка перемѣщенъ священникъ Казанскаго военнаго госпиталя, кандидатъ богословія Владиміръ **Концевичъ**, вакансія котораго предоставлена штатному судовому священнику учебнаго судна „Двина“ Стефану **Гнѣдовскому**; на мѣсто послѣдняго назначенъ священникъ Харьковской епархіи Стефанъ **Ильинскій** (8/16 октября).

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 12 октября с. г. № 9077, опубликованнымъ въ № 24 „Церковныхъ Вѣдомостей“ с. г., постановлено: „установить по всѣмъ церквамъ Имперіи, на время войны съ Турціей Балканскихъ государствъ, сборъ пожертвованій по воскреснымъ днямъ, на ряду съ другими разрѣшенными уже сборами на разныя нужды, въ такомъ порядкѣ, чтобы въ одно воскресенье сборъ былъ производимъ въ пользу русскаго общества Краснаго Креста для оказанія помощи раненымъ и больнымъ воинамъ Балканскихъ государствъ, а въ другое воскресенье въ пользу Краснаго Креста названныхъ государствъ, поочередно, и чтобы собранныя суммы были препровождаемы черезъ благочинныхъ въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ для дальнѣйшаго направленія“.

Имѣющія поступить пожертвованія на указанный предметъ должны быть представляемы о.о. благочинными непосредственно въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ по третямъ года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Правда о смутѣ.

(Слово пастыря къ воину).

Въ послѣднее время въ Россіи стало неспокойно. Тысячи всякихъ смутьяновъ работаютъ въ разныхъ мѣстахъ нашего дорогого Отечества и сѣютъ смуту въ сердцахъ и умахъ русскаго народа, а также и среди нашего христіанскаго воинства. Они говорятъ своимъ слушателямъ о какихъ-то новыхъ порядкахъ, которые, по ихъ словамъ, дадутъ всѣмъ иную, лучшую, чѣмъ теперь, жизнь. Люди съ удивленіемъ слушаютъ эти новыя для нихъ рѣчи, по своему разбираются въ нихъ, волнуются, долгое время пребываютъ въ смущеніи отъ наплыва новыхъ мыслей, а потомъ свыкшись съ ними, начинаютъ вѣрить рѣчамъ новоявленныхъ проповѣдниковъ. Довѣрившись своимъ новымъ учителямъ, люди начинаютъ слушаться и совѣтовъ ихъ, а поступая по волѣ этихъ наставниковъ, нарушаютъ покой нашей дорогой Родины и вносятъ смуту въ жизнь всего государства. Народъ русскій, по природѣ своей, простой и до-вѣрчивый. Революціонеры же и др. подобные имъ смутьяны въ своихъ рѣчахъ обѣщаютъ всѣмъ золотыя горы и райскіе порядки а народъ вѣритъ имъ, тѣмъ болѣе, что, по малообразованности своей, не можетъ понять, что можно сдѣлать для скорѣйшаго и лучшаго устройства нашего государства, а чего никакъ нельзя и особенно такъ скоро. Народъ нашъ не знаетъ, что за люди—революціонеры и чего всѣ эти смутьяны тайнѣ добиваются, какъ они раньше учили и поступали и до чего довели тѣхъ, кто имъ довѣрился. Не зная тысячелѣтней исторіи своего государства, народъ нашъ и не представляетъ себѣ, сколько неисчислимыхъ бѣдъ принесли нашей родинѣ разнаго рода смутьяны. Люди какъ будто забываютъ обще-извѣстное правило, что „отъ худого сѣмени не будетъ добраго плода“. А молодежь, отбывающая воинскую повинность, по своей мало-опытности и по незнанію жизни, еще менѣе способна разобраться въ этихъ вопросахъ. Словомъ, обольщаемые революціонерами люди, поддерживая смуту, не знаютъ, что дѣлаютъ. Больно и тяжело смотрѣть на тѣ страданія, которыя смутьяны причиняютъ нашей общей Матери—Родинѣ, но не менѣе жалко и тѣхъ людей, которые, по-

могая смутьянамъ, по своей слѣпотѣ, думаютъ, что они смутой ведутъ Россію къ добру. Хотѣлось бы помочь вамъ, войны христіолюбивые, разобраться во всемъ, что нынѣ на нашихъ глазахъ совершается. Можетъ быть, уразумѣвъ происходящее, вы, съ Божіей помощью, лучше поймете и тѣ обязанности, которыя законами Родины и уставомъ воинскимъ возложены на васъ, какъ защитниковъ Отечества.

Дѣла обличаютъ.

Какъ можно узнать душу и мысли человѣка? По его дѣламъ. Сладко умѣютъ говорить многіе, а поступать хорошо можетъ только тотъ, кто всею душой любитъ своего ближняго. Кто сладко говоритъ съ худыми мыслями на сердцѣ, тотъ скоро попадетя. „По дѣламъ ихъ узнаете ихъ“,—сказалъ Спаситель. Вотъ дѣла-то революціонеровъ мы и разсмотримъ, по дѣламъ ихъ и опредѣлимъ, что за люди они и чего добиваются на самомъ дѣлѣ. Они обѣщаютъ свободу. Но для кого? Для всѣхъ? Весьма сомнительно. Кто понимаетъ слово „свобода“, тотъ уважаетъ свободу другого, т. е. не стѣсняетъ другого въ дѣлахъ его, если они законны, не насилуетъ его въ мысляхъ. Такъ ли поступали революціонеры? Въ 1905 году былъ бунтъ на броненосцѣ „Потемкинъ“. Небольшая кучка бунтарей захватила власть на кораблѣ. Съ первыхъ же часовъ оказалось, что большинство команды не только не собиралось бунтовать, но и осуждало устроенный мятежъ. Если бы революціонеры уважали чужую свободу, то они должны были всѣхъ, не желающихъ участвовать въ бунтѣ, высадить при первомъ случаѣ на берегъ. Между тѣмъ какъ поступаетъ овладѣвшая броненосцемъ партія матросовъ? Угрожая ружьемъ и револьверомъ, они заставляютъ честныхъ матросовъ служить на взбунтовавшемся кораблѣ, возятъ ихъ съ собою по Черному морю и, такимъ образомъ, дѣлаютъ ихъ преступниками предъ закономъ и тѣмъ самымъ закрываютъ предъ ними возможность вернуться на родину. Видите сами: какую свободу даютъ революціонеры, когда захватываютъ власть въ свои руки.

Возьмемъ другой примѣръ. Начинается гдѣ-нибудь волненіе рабочихъ. Революціонеры въ этомъ дѣлѣ либо первые помощники, либо руководители. Часть рабочихъ, не сочувствуя забастовкѣ вообще, или находя ее несвоевременной, по своимъ убѣжденіямъ, не принимаетъ участія въ происходящемъ волненіи, желаетъ работать и попрежнему посѣщать заводъ. Тутъ проповѣдники свободы и начинаютъ свои насилія, надругательства и избиеніе небастующихъ, а,

бываетъ, доходятъ и до убійства. Спрашивается: за что? „Вы, господа, — скажете противникъ забастовки, — всегда мнѣ говорили, что я свободная личность и что мои убѣжденія, т. е. мои мысли и поступки свободны, а сегодня за обнаруженіе мной этой свободы совершаете надо мной насиліе?!“ Приходится думать такъ: или эти люди въ словѣ „свобода“ ничего не понимаютъ, тогда не стоило бы имъ и браться не за свое дѣло, нельзя учить другихъ тому, чего самъ не понимаешь; или если они понимаютъ слово „свобода“, а на дѣлѣ, какъ видите, грубо нарушаютъ свободу другихъ, то ясно, что они хитрые обманщики. Такіе люди опасны, — ни вѣрить имъ, ни дружить съ ними нельзя. Приведенные примѣры научаютъ насъ, что эти ревнители свободы добываютъ ее для себя и для своихъ подручныхъ, а надъ людьми, съ ними не согласными, они спокойно употребляютъ насиліе. Да иначе и быть не могло: вѣдь, бунтари думаютъ только о себѣ и проводятъ свои хитрые планы.

Вспомнимъ, чѣмъ революціонеры подняли военный бунтъ въ 1905 году? Хитростью и обманомъ. Тѣмъ, которые отдали имъ свою душу, они говорили: „вы спасете Россію (неизвѣстно отъ чего), вы будете героями, на весь міръ прославитесь!“. Думы о счастьѣ и славѣ часто туманяютъ голову человѣка, такъ вышло и тутъ. Вчера былъ рядовой матросъ, а завтра „всемирный герой!“ Давно еще обольщенные и послѣдними рѣчами подогрѣтые мечтатели съ радостью полѣзли въ приготовленную имъ петлю. А тѣмъ, которые еще сохранили въ головѣ здравый смыслъ и на эту приманку не шли, революціонеры говорили: „вѣдь, мы не противъ Царя идемъ, а только желаемъ устроить нѣчто въ родѣ воинской забастовки. Васъ, несчастныхъ, плохо кормятъ, одѣваютъ, съ вами плохо обращаются, устроимъ на время смуту, объ этомъ узнаетъ Царь, а то, вѣдь, отъ Него все скрываютъ“... Хотя правды въ такихъ рѣчахъ было очень мало, да когда соблазнитель начинаетъ рѣчь съ того, что жалѣетъ тебя, желаетъ тебѣ добра, то невольно хочется вѣрить такому человѣку; а когда послѣ сожальній онъ начнетъ давать тебѣ еще совѣты, что надо дѣлать, то ты довѣрчиво принимаешь все, что бы тебѣ ни сказали. Отвѣйте по совѣсти: имѣетъ ли право воинъ по своему званію устраивать забастовки? Вѣдь, при всякой забастовкѣ воинъ уже перестаетъ повиноваться начальству. А неповиновеніе есть нарушеніе присяги и воинской дисциплины, что въ военной средѣ наказуется очень строго. Теперь вы поняли, въ какую ловушку заманиваютъ воина революціонеры? Имъ важно сначала подбить тебя нарушить присягу, сдѣлать первую оплошность, а

послѣ этого они и говорятъ: „теперь тебѣ все равно придется плохо, будешь въ отвѣтѣ“... Тутъ человѣкъ смутится и заробѣетъ, а они тогда и приберутъ его къ своимъ рукамъ и распоряжаются имъ по своему усмотрѣнію. Такъ хитро они сдѣлаютъ бунтаремъ самаго простого, честнаго, но довѣрчиваго солдата. А какъ за такое довѣріе расплачивались воины, мы укажемъ случаи.

Всякій знаетъ, что дѣлалось въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1905 года въ нѣкоторыхъ флотскихъ и армейскихъ казармахъ. Какіе-то „вольные“ люди на сборищахъ кричали солдатамъ: „Братцы! будьте стойки, вы не одни; насъ нѣсколько тысячъ готовы поддержать васъ и пожертвовать своею жизнью за общее благо“... Когда же начальство, послѣ долгихъ и напрасныхъ увѣщаній прекратить смуту, вынуждено было взяться за оружіе, то изъ обѣщанныхъ тысячъ въ ряды бунтарей стала какая-нибудь сотня оголѣлыхъ и безусыхъ юношей. А гдѣ же тысячи людей, обѣщанныхъ въ помощь? Да ихъ никогда и не было. Ораторы сознательно лгали въ расчетѣ, что чѣмъ большее число бунтовщиковъ назовутъ, тѣмъ большее число присоединится новыхъ. А дальше вышло и того лучше. Когда раздались пушечные выстрѣлы, то и эти сто душъ, побросавъ оружіе и довѣрчивыхъ товарищей, обратились въ бѣгство и скрылись въ окрестностяхъ города, предоставивъ тѣмъ, которые по ихъ указкѣ бунтовали, расплачиваться за поднятый бунтъ своими головами. Такъ же было при бунтѣ саперъ въ Кіевѣ (въ 1907 г.) и въ Ташкентѣ въ нынѣшнемъ году. Хорошая наука для довѣрчивыхъ людей!

Тогда же въ (1905 г.) Севастопольскихъ флотскихъ казармахъ было до 30 человѣкъ „вольныхъ“, руководителей надъ возставшими матросами, среди которыхъ была и одна женщина—еврейка. Забравшіеся въ казармы зачинщики и руководители бунта тоже много галдѣли о своемъ желаніи отдать жизнь за общее благо. Но когда оставшіеся вѣрными присягѣ войска въ ночь на 16-е ноября взяли штурмомъ казармы, много ли они нашли тамъ „вольныхъ“? Только двоихъ. А гдѣ же остальные 28 человѣкъ? Да они попросту рѣшили, что на ихъ вѣкъ глухыхъ людей хватить и, пользуясь суетой да ночной темнотою, благополучно бѣжали, оставивъ матросовъ отвѣчать за бунтъ. Бунтовали то вмѣстѣ, а отвѣчать предоставили довѣрчивымъ людямъ. Поставьте теперь вопросъ: поступаютъ ли такъ люди честные? Нѣтъ, это—Иуды предатели, это—волки въ овечьей шкурѣ.

За одно вспомнимъ про главнаго героя ноябрьскаго возстанія лейтенанта Шмита. Онъ пользовался у бунтарей безграничнымъ

довѣриемъ, они на него въ эти дни готовы были молиться, — такіа сладкія рѣчи говорилъ онъ одурманенной смутьянами воинской массѣ. А какъ онъ безсовѣстно обманулъ всѣхъ своихъ сообщниковъ! Какъ только на бунтовавшій крейсеръ „Очаковъ“ упали два — три ядра, Шмидтъ тотчасъ же сѣлъ на миноносець, чтобы спасти свою драгоценную жизнь. Подумалъ ли онъ объ участи тѣхъ, кто ввѣрилъ ему свою жизнь и судьбу?.. Какъ офицеръ, Шмидтъ прекрасно зналъ, какое наказаніе ожидаетъ воина-бунтовщика. Слезъ и крови по винѣ его было пролито столько, что въ нихъ, кажется, могъ бы утонуть этотъ презрѣнный бунтарь и обманщикъ.

Въ помощь Шмидту на бунтовавшій „Очаковъ“ пріѣхали изъ Одессы пароходомъ человекъ 40 какихъ-то „вольныхъ“ людей. Но при первыхъ выстрѣлахъ по „Очакову“, и эти господа благополучно скрылись. Невольно хочется спросить: куда они бѣжали? А вотъ куда: каждый изъ нихъ, сознавая какое худое дѣло дѣлаетъ, за благовременно запасаемаго подложнымъ заграничнымъ паспортомъ, снабжается крупными деньгами отъ революціоннаго комитета и при первой удачѣ бѣжитъ за границу, гдѣ и живетъ припѣваючи. Хорошіе „товарищи“!

Вспомнимъ кстати, какъ разсчитались главари „Потемкинскаго“ бунта съ тѣми, кто имъ помогалъ. На броненосцѣ они захватили 40 тысячъ рублей, а когда высадились въ Румыніи, то выдали каждому одуроченному ими солдату только на дневное пропитаніе, а прочія денежки забрали себѣ. Натерпѣлись эти довѣрчивые люди, когда въ Румыніи имъ пришлось чуть не умирать съ голоду, такъ какъ Румыны гнушались ими и не хотѣли брать ихъ ни на какія работы.

Но кромѣ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ также обратить серьезное вниманіе на слѣдующія соображенія. Затѣвая какое-нибудь дѣло, человекъ прежде всего долженъ подумать надъ вопросомъ: а чѣмъ оно можетъ кончиться? Всѣ мы прекрасно знаемъ, что одни изъ нашихъ дѣлъ оканчиваются успѣшно, другія постигаются неудача, и даже неудачи случаются чаще, чѣмъ успѣхъ. Тоже можетъ случиться и съ коварными планами разнаго рода смутьяновъ. Поставимъ вопросъ: бунтъ нѣкоторой части флота или сухопутныхъ войскъ можетъ ли окончиться для бунтарей удачей? На этотъ вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ: удачи бунтъ имѣть никогда не будетъ. Россія имѣетъ 10.000 верстъ въ длину и 2.000 верстъ въ ширину. И вотъ на этомъ пространствѣ, которое и представить себѣ трудно, взбунтовался, скажемъ, цѣлый корпусъ

войскъ. Что отъ этого сдѣлается во всей огромной Россіи? Да ничего. Попробуйте бросить камень въ небольшую лужу воды. Отъ паденія камня пойдутъ по водѣ круги до самаго края лужи. Значить, вся лужа всколыхнулась. Поднимите теперь до облаковъ и съ этой высоты бросьте на середину моря самый большой броненосецъ, — что получится? Когда онъ упадетъ въ воду, по ней пойдутъ круги на цѣлую версту. Дальше же за чертой этой версты вода будетъ оставаться спокойной, какъ и была. А еще дальше, у береговъ моря никто и подозрѣвать не будетъ о томъ волненіи, которое произошло на серединѣ моря. Такъ будетъ и при смутѣ нѣкоторой воинской части или военнаго корабля: всколыхнется ли отъ этого наша необъятная Россія? Конечно, нѣтъ. Справедливость этого разсужденія подтвердилась и во время смуты 1905 года. Тогда, напр., волненіе Кавказа, Финляндіи, Прибалтійскаго края, и другихъ мѣстностей Россіи отозвалось цѣлымъ рядомъ бунтовъ въ нѣкоторыхъ войсковыхъ и флотскихъ частяхъ. А чѣмъ окончилась вся эта смута? Да сначала раздулась, какъ мыльный пузырь, заблестѣла разными красивыми цвѣтами предъ отуманенными глазами революціонеровъ, а потомъ, какъ мыльный пузырь, и лопнула. И это было въ такое время, когда обстоятельства много благопріятствовали революціи. Народъ тогда, еще не зная смутьяновъ, вѣрилъ имъ, войска были далеко въ Манчжуріи. Теперь же войска дома и, слава Богу, спокойны; революціонеровъ люди узнали и перестали имъ вѣрить; смуты веѣмъ надоѣли и опротивѣли. Итакъ, напередъ можно сказать, что теперь изъ какого бы то ни было бунта ничего не выйдетъ.

Во всякомъ случаѣ, собираясь участвовать въ смутѣ, всякій долженъ напередъ подумать, что его ожидаетъ въ случаѣ неудачи. Тутъ можетъ выйти одно изъ двухъ: или смутьяна поймають и отдадутъ подъ судъ, или онъ убѣжитъ. Судьба пойманныхъ будетъ неодинакова: воинъ отвѣчаетъ строже, а „вольный“ человекъ меньше. Гдѣ воину угрожаетъ смертная казнь, тамъ „вольному“ каторга; а если воину—каторга, „вольному“ только ссылка. Судьба скрывшихся отъ суда также будетъ неодинакова. Спокоенъ можетъ быть только тотъ, кто убѣжалъ за границу, такъ какъ въ Россіи и черезъ много лѣтъ человекъ все же розыщутъ и привлекутъ къ отвѣту. Но жизнь за границей въ полной безопасности неодинаково складывается для веѣхъ. Нѣкоторые изъ русскихъ инородцевъ не имѣютъ особой привязанности къ Россіи; такимъ и за границею живется привольно. А русскій человекъ и въ этомъ случаѣ страдаетъ больше, чѣмъ другіе. Онъ всей душой приростаетъ, къ родной землѣ и ему всегда

неудержимо хочется вернуться на родину. Такъ, напр., и большинство участниковъ „Потемкинскаго бунта, когда очутились за границей. не смогли въ чужой землѣ преодолѣть тоски по родинѣ, добровольно вернулись въ Россію и объявились властямъ, зная напередъ, что ихъ ожидаетъ строгій по закону судъ.

Обидно за русскаго человѣка. Вѣчно насъ нарываютъ обмануть хорошими словами, наобѣщаютъ намъ хитрые люди такого, чего и быть не можетъ; а мы только тогда опомнимся, когда насъ къ отвѣту потянутъ. Тѣ люди, которые хоть однажды поплатились за свое довѣріе, въ другой разъ на обманъ и хитрость не пойдутъ; но революціонеры объ этомъ мало печалятся; вѣдь довѣрчивыхъ простыхъ, малознающихъ людей на свѣтѣ много, а поэтому смутьяны, потерпѣвъ неудачу въ одномъ году, начинаютъ черезъ нѣкоторое время и при другихъ людяхъ снова плести свою паутину; и кто ихнихъ прошлыхъ дѣлъ не знаетъ, тотъ на свою гибель вѣрится имъ.

Не однихъ воиновъ обманывали революціонеры; они усердно поддерживали, а мѣстами вносили смуту также въ среду рабочихъ. У этого класса людей, т. е., у рабочихъ, есть свои заботы: они добиваются повышенія заработной платы и вообще улучшенія своего быта. Среди прочихъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли, по примѣру заграничному они считаютъ полезною и забастовку. Мастеровой человѣкъ въ Россіи, правда, въ большинствѣ плохо обезпеченъ, но это, кромѣ другихъ причинъ, въ значительной степени надо приписать тому, что недавно народившаяся русская промышленность, по разнымъ причинамъ, еще не стала крѣпко на ноги. При такой постановкѣ дѣла много барышей не наберешь и другому за работу не много уплатишь. Кромѣ того не у насъ однихъ, а во всемъ свѣтѣ идетъ теперь борьба между капиталомъ и трудомъ. Только борьба эта за границей поставлена иначе, такъ какъ самый бытъ рабочихъ сложился тамъ иначе. Существующіе за границей сотни лѣтъ цехи образовали изъ себя особыя общества. Будучи далеко образованнѣе нашихъ, заграничные рабочіе зорко слѣдятъ за промышленностью, точно учитываютъ напередъ: въ состояніи ли извѣстный родъ промышленности удѣлить въ данный моментъ часть барышей въ пользу рабочихъ? Кромѣ того, рабочіе располагаютъ тамъ издавна заведенными милліонными капиталами, благодаря которымъ во время забастовокъ не голодаютъ. Но и при такихъ условіяхъ половина забастовокъ все-таки не удается. А у насъ, по молодости нашей промышленности и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, ничего подобнаго нѣтъ; а слѣдовательно, заграничныя

мѣры борьбы у насъ скорѣе могутъ привести къ разстройству быта рабочиыхъ, чѣмъ къ ихъ благополучію. И вы думаете, что революціонеры не знаютъ всѣхъ условій нашей промышленности и труда? Нѣтъ! Они прекрасно всегда понимали ихъ и понимаютъ, но напередъ радуются, зная, что изъ озлобленнаго голодомъ человѣка можно скорѣе сдѣлать послушнаго слугу революціи. Можетъ быть, скажутъ, что благодаря забастовкамъ, жизнь рабочаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улучшилась. Правда, цѣна за работу въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности поднялась, но за то и цѣны на всѣ предметы первой необходимости въ жизни рабочаго также поднялись. И выходитъ: денегъ въ рукахъ рабочаго стало больше, а цѣна денегъ стала меньше, одно на другое и вышло. Между тѣмъ какою дорогою цѣною куплено это кажущееся благополучіе небольшого числа лицъ! Голодомъ семей, потерей мѣстъ, упадкомъ самой промышленности, потерей заграничныхъ рынковъ по сбыту товаровъ и т. д. и т. д. Если учесть этотъ незначительный успѣхъ рабочиыхъ и сравнить его съ многочисленными горькими для нихъ же послѣдствіями, то невольно задумаешься надъ вопросомъ: стоило ли затѣвать всю эту смуту? А революціонеры всякой неудачѣ рады; имъ важно было только устроить смуту, поддержать огонь революціи...

Такъ облагодѣтельствовали смутьяны войска и рабочиыхъ; не оставили они своей милостью и деревенскаго мужичка. Въ одно время съ военными бунтами и рабочими забастовками, по деревнямъ появились какіе-то люди, которые всячески начали жалѣть крестьянъ: „У васъ земли мало, а у помѣщиковъ много; чего вы смотрите, выгоньте помѣщика изъ имѣнія, а землю подѣлите; всюду идутъ теперь бунты и смуты, Правительство безсильно бороться, значитъ, время самое удобное для васъ“... Тѣ и думаютъ: „Вотъ, дай Богъ имъ здоровья,—благодѣтели наши: надо въ самомъ дѣлѣ прибавить себѣ земли“... А того не знаютъ, что во всѣхъ государствахъ міра есть и должны быть крупные землевладѣльцы и малоземельные люди. Закрыли глаза на то, что Правительство давно уже заботится о малоземельныхъ: въ Сибири оно отвело вольныя земли, а въ Россіи чрезъ Крестьянскій банкъ скупаетъ землю у крупныхъ собственниковъ для передачи ея крестьянамъ. Забыли они, что дѣло надѣленія милліоновъ крестьянъ землей— есть дѣло громадное и трудное, — оно быстро и гладко идти не можетъ. Вѣдь, въ деревнѣ, для того, чтобы устроить по-Божески раздѣлъ маленькаго хозяйства на 3-хъ или 4-хъ братьевъ, деревенскіе старики иной разъ бьются двое-трое сутокъ; да и то потомъ

бываютъ неудовольствія, непріятности и суды. А справедливое устройство милліоновъ крестьянъ неизмѣримо труднѣе. Поэтому Государь неоднократно уговаривалъ крестьянъ не торопить Правительство въ этомъ дѣлѣ и убѣждалъ вѣрить, что забота о крестьянахъ есть одна изъ наиболѣе близкихъ Его сердцу заботъ. Слѣдовательно, и безъ грабежа чужой собственности можно улучшить и уже сейчасъ улучшается положеніе малоземельныхъ. Но, къ несчастію, помutilись головы у нашихъ мужичковъ и пошли они жечь и грабить имѣнія. Такъ на десятки милліоновъ рублей сожгли они хозяйственныхъ богатствъ въ Россіи. Погромъ этотъ, правда, навелъ на всѣхъ ужасъ. Но Правительство то оказалось вовсе не безсильнымъ, какъ обманно увѣряли мужичковъ смутьяны. Пришли войска и возстановили порядокъ. А разоренные помѣщики сократили свое хозяйство, по чему крестьяне лишились заработка на мѣстахъ, и стало имъ жить куда хуже, чѣмъ ранѣе было. Такъ довели до добра наставники, что на погромы подбивали, а сами заблаговременно сбѣжали, чтобы новыхъ простаковъ поискать, а расплачиваться же за все сдѣланное предоставили крестьянамъ самимъ.

Для того, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, революціонеры задались цѣлью искоренить среди русскаго народа вѣру въ Бога и любовь къ Царю. Вѣдь спроста подумаешь: при чемъ тутъ вѣра? Между тѣмъ вѣра тутъ много значить: смутьяны хорошо понимаютъ, что пока человекъ вѣруетъ въ Бога и почитаетъ заповѣди Господни, его трудно на беззаконное дѣло соблазнить. Они и стали учить народъ, что Бога вовсе нѣтъ, души у человека тоже нѣтъ, загробной жизни нѣтъ, суда человеку за его дѣла по смерти не будетъ; одна участь, что человеку, что животному. Расчетъ у смутьяновъ правильный. Когда вытравимъ изъ человека все, чѣмъ жива душа, то и образуется изъ него звѣрь и пойдетъ онъ тогда на самыя свирѣпыя злодѣянія и на самую кровавую революцію. Такъ и было. Чтобы отнять деньги у какого-нибудь богача или кассира, революціонеры устраивали крушенія цѣлыхъ пассажирскихъ поѣздовъ съ человѣческими жертвами; убивали въ банкахъ неповинныхъ сторожей и слугъ у богатыхъ людей; бросали бомбы въ народъ, убивали и калѣчили десятки ни въ чемъ неповинныхъ людей, чтобы убить среди нихъ одного какого-нибудь ненавистнаго имъ человека. Вотъ къ какому звѣрству привела потеря вѣры въ Бога! Вѣдь, если считать, что человекъ мало чѣмъ отличается отъ животнаго, то понятно тогда, что убійство не есть преступленіе,—это

все равно, что зарѣзать курицу или овцу. А мы, христіане, всегда думали и теперь вѣруемъ, что человѣкъ—твореніе Бога, образъ и подобіе Его, искупленъ кровію Сына Божія, предназначенъ для вѣчной жизни. Лицо, искренно такъ вѣрующее, пойдетъ ли на убійство? Цѣна человѣческой жизни, по ученію христіанскому, чрезвычайно велика, но этимъ самымъ христіанское ученіе мѣшаетъ успѣхамъ революціи, поэтому на христіанскую только вѣру они и нападаютъ. Что это, именно, такъ, просимъ вспомнить: ругали ли гдѣ-нибудь на сборищахъ вѣру, храмы и служителей вѣры евреевъ или мусульманъ, даже католиковъ или лютеранъ? Нѣтъ. Значить, чѣмъ вызывается надругательство надъ нашей православной вѣрой? Желаніемъ только изъ русскаго, какъ христіанина, сдѣлать звѣря и тѣмъ приготовить его для самой кровавой революціи. Посудите сами: насколько безчестны эти смутьяны, если ради своихъ цѣлей вытравливаютъ самое высокое, самое чистое и самое святое въ душѣ русскаго человѣка—его православную вѣру!

Знаютъ революціонеры, что русскій народъ высоко чтитъ царскую власть и, покуда это почитаніе будетъ жить въ сердцахъ народа, никакая революція не удастся. Значить, для успѣха своихъ замысловъ, имъ надо уронить въ глазахъ народа царскую власть. Поэтому, они старательно замалчивали великія заслуги передъ народомъ нашихъ Царей, а невольныя ошибки, свойственныя и Царямъ, какъ людямъ, расписывали, какъ тяжкія преступленія. Подчасъ же и сочиняли про Царей разныя небылицы; благо, русскій человѣкъ исторіи своего государства или совсѣмъ не знаетъ, или знаетъ да очень мало. Говори, что хочешь,—будутъ слушать. Намъ не мѣшало бы у иностранцевъ поучиться уважать своихъ государей. Попробуй-ка чужой человѣкъ при нѣмцѣ или англичанинѣ сказать худое слово про ихъ императоровъ. Повѣрь, что получишь большую неприятность. А отчего это? Отъ того, что за границей народъ образованный и прекрасно понимаетъ, что то лицо, въ рукахъ котораго находится высшая власть въ государствѣ, должно быть почитаемо и ставимо выше всякихъ оскорбленій. Этого требуетъ и на этомъ держится порядокъ въ государствѣ. А у насъ народъ темный, этого не понимаетъ. Революціонеры же прекрасно знаютъ, что стоитъ только расшатать въ народѣ уваженіе къ Царю, то остальныхъ властей русскій человѣкъ ужъ и подавно признавать не будетъ,—что только и нужно для смуты, для революціи.

Кто они?

Теперь возникает вопрос: что за люди революционеры? Большинство этих смутьяновъ только считается русскими подданными, потому что они живутъ въ предѣлахъ Россіи, имѣютъ здѣсь заработокъ, т. е. ѣдятъ нашъ хлѣбъ, а въ душѣ они крайне недоброжелательны къ Россіи, потому что русскими они никогда не были и не будутъ. Справедливость этихъ словъ подтвердить всякій, кто наблюдалъ смуту въ 1905 году. Гдѣ бы эти волненія ни происходили, неперемѣнно во главѣ движенія оказываются какіе-нибудь не русскіе по лицамъ и фамиліямъ „юркіе человекъ“, которые кричатъ о необходимости улучшить нашу жизнь. Или они насъ любятъ больше, чѣмъ мы сами себя? Или ужъ мы, русскіе, такъ глупы, что сами для себя въ своемъ хозяйствѣ ничего сдѣлать не въ состояніи? Чтобы насъ чужіе люди любили больше себя, этого мы ни въ чемъ не замѣчали, да оно и неестественно. Очевидно, тутъ надо поискать другую причину. Какая же она? Да дѣло въ томъ, что въ составъ нынѣшней Россіи вошло много народовъ, которые нѣкогда по сосѣдству съ нами жили своими царствами, а потомъ были покорены нами. Горячія головы среди этихъ народовъ все время мечтаютъ о возстановленіи своихъ царствъ. Пока въ Россіи спокойно, она сильна и никакому народу не позволить отъ себя выдѣлиться въ самостоятельное царство. Когда же въ Россіи начнутся большіе беспорядки, внутренняя смута, то тогда легко будетъ отдѣлиться отъ Россіи. А такіе беспорядки могутъ быть только при революціи,—вотъ почему ее эти горячія головы и поддерживаютъ. Значить, не для пользы нашей, а во вредъ русскому народу и русскому царству дѣйствуютъ эти люди. Они нахально всюду лѣзутъ впередъ, ораторствуютъ на сборищахъ, добываютъ деньги для революціи, засѣдаютъ въ комитетахъ. Казалось бы такъ: мы, русскіе своими руками выстроили свой домъ, т. е. свое государство, намъ бы слѣдовало самимъ и заботиться о поправкѣ своего государственнаго зданія, если почему-либо въ немъ стало худо жить. Такъ нѣтъ же,—лѣзутъ непрошенные доброжелатели. 1000 лѣтъ строили мы свой домъ. Изъ маленькихъ, но умныхъ и смѣлыхъ русскихъ племенъ выросло громаднѣйшее въ мірѣ государство. Вѣдь Россія теперь занимаетъ шестую часть всей суши на земномъ шарѣ. А какъ мы это создали? Войнами. Защищаясь отъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, мы ихъ покоряли, проливъ много русской крови. Вѣдь не русскихъ людей только 50 лѣтъ тому назадъ стали

братъ въ солдаты, а мы воюемъ болѣе тысячи лѣтъ. И вотъ въ хатѣ, на русской крови выстроенной, оттолкнувши въ сторону хозяевъ, распоряжаются какіе-то посторонніе люди, что-то кричать, о чемъ-то суетятся. А въ суетѣ да крикѣ они часто проговариваются, — такъ-то хитрость ихъ и вышльваетъ наружу. Просилъ Государь въ помощь Себѣ лучшихъ людей изъ всѣхъ народовъ царства въ Думу Государственную. И вотъ одинъ, якобы изъ лучшихъ людей, явившійся съ Кавказа, гогорилъ въ Думѣ: „чтобы нестроенія на Руси исправить, надо привести въ состояніе революціи всю Россію“, т. е. сдѣлать изъ нея адъ кромѣшный. Другими словами, надо развалить нашу хату, обратить ее въ прахъ и пепель и тогда начать строить государство сначала. Мы 1000 лѣтъ строили, а онъ пришелъ разваливать... Хорошъ радѣтель!.. Разваливать-то не трудно, но послѣ разрушенія надо на этомъ же мѣстѣ выстроить и новсе, лучше того, что развалили. Нельзя же сидѣть на кучѣ развалинъ. Мы вѣримъ, что эти господа разваливать умѣютъ, ибо и предки ихъ поразваливали свои собственные царства. А кто намъ поручится, что изъ развалинъ они сумѣютъ что-нибудь выстроить лучше того, что мы имѣли раньше? Прошлая жизнь этихъ народовъ показываетъ, что разрушали и портили они много, а вотъ создать ничего еще нигдѣ не сумѣли. Опасно довѣряться ихнимъ рѣчамъ, а то выйдеть, что имѣлъ хозяйство, а очутился на развалинахъ.

Есть, правда, среди революціонеровъ и природные русскіе люди, но ихъ тамъ меньшинство. Нельзя отрицать, что среди этихъ смутьяновъ, русскихъ по происхожденію, многіе по своему любятъ Россію: желаютъ ей добра, только вотъ добра-то для отечества добиваются невѣрными путями, единственное средство къ добру видятъ въ революціи. Это люди увлекающіеся. Читали и слыхали они, что за границей народъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ живетъ лучше насъ, что въ разныхъ странахъ бывали революціи и что до революціи народъ жилъ тамъ хуже, а теперь далеко лучше. Отсюда они и думаютъ, что отъ революціи-то и лучше стало. Они забыли, что революціи-то были тамъ 50 и 100 лѣтъ тому назадъ; такъ и у насъ въ Россіи 100 лѣтъ тому назадъ тоже жизнь была устроена много хуже, а до 1905 года стала далеко лучше, хоть и революціи не было. Значить, не въ революціи тутъ дѣло; а просто за 100 лѣтъ времени за границей люди стали просвѣщеннѣе и образованнѣе, лучше поняли пользу государственную, прониклись интересами государственности, и не только не мѣшали своими смутами, но сознательно и умѣло помогали своимъ государямъ и правителямъ, отъ

этого народы крѣпли и богатыли. А сколько счастья народу и государству даетъ революція,—это мы теперь видимъ своими глазами въ Китаѣ, Персіи и Турціи, у нашихъ близкихъ сосѣдей, гдѣ идутъ сейчасъ смуты. Государства эти чрезъ бунты совѣмъ упали; по нѣсколько разъ мѣняли себѣ правленія и правителей, а что вышло? Народъ тамъ стонетъ отъ безпорядка и проклинаетъ бунтарей. А сосѣднія съ ними государства, пользуясь смутой, отнимаютъ у нихъ кому что понравится. Вотъ до чего доводитъ революція! Пусть же примѣръ нашихъ погибающихъ отъ смуть сосѣдей—Персіи, Китая и Турціи—послужитъ намъ наукой, что революція губитъ царство; и что, если мы сохранили въ своемъ сердцѣ любовь къ родинѣ, то должны не вѣрить рѣчамъ революціонеровъ, а вѣрить своимъ глазамъ, т. е. тому, что видимъ у несчастныхъ, довѣрившихся бунтарямъ, народовъ. Революція есть величайшее зло для духа народнаго. Когда цѣлыя поколѣнія во время междоусобія воспитаются на грабежахъ, убійствахъ и нарушеніи законовъ, то и по окончаніи смуты они также не будутъ уважать порядокъ, не будутъ почитать законы. Революція подрываетъ то, на чемъ держится сала и благо государства. Только люди увлекающіеся могутъ допускать несообразность, будто посѣявши бурьянъ, соберешь богатый урожай пшеницы.

Но кромѣ указанныхъ двухъ разрядовъ людей, сѣющихъ въ Россіи революцію, есть и третій разрядъ самый худшій изъ всѣхъ, но въ то же время весьма многочисленный. Эти ни въ какія революціи не вѣрятъ, ничего для народа не ищутъ, а просто кормятся отъ смуты. Они получаютъ жалованье отъ революціоннаго комитета и занимаюся проповѣдью революціи среди войскъ и народа. Это крайне безчестные люди; они знаютъ, что дѣлаютъ худое для народа дѣло, но это ихъ не смущаетъ; они продаютъ свою совѣсть тому, кто заплатитъ имъ деньги. Вы спросите: неужели это возможно? А почему бы и не могло быть. Есть вѣдь на свѣтѣ тысячи разбойниковъ, которые идутъ на убійство не изъ-за удовольствія убивать, а для добычи денегъ, т. е. для собственного прокормленія. Есть также карманные воры, есть ковокрады; вѣдь эти люди иной разъ отнимаютъ у человѣка послѣднее, и опять таки для чего? Да для собственного пропитанія. Такъ дѣйствительно существуютъ и кормящіеся отъ революціи. Обыкновенно проповѣдники революціи сами убійствами и грабежами не занимаются. Ихъ положеніе напоминаетъ обыкновенную службу: человѣкъ дѣлаетъ то, что ему поручаютъ, а за это ему платятъ хорошее жало-

ванье; благо работа такая, что особой, специальной подготовки не требуетъ. Въ такіе-то агитаторы идутъ, главнымъ образомъ, или недоучившіеся по лѣности юноши, или такіе же недоучки изъ мастеровыхъ. На честномъ трудѣ этимъ недоучившимся молодцамъ платятъ мало, а революціонеры трудъ агитаторовъ оплачиваютъ хорошо. Очень часто при арестахъ и обыскахъ находили и находятъ у такихъ арестуемыхъ, не имѣющихъ ни собственности, ни службы, большія суммы денегъ—сотни и тысячи рублей. Да и деньги то не на книжкѣ лежать, а гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, при себѣ, такъ сказать, для ближайшихъ случайныхъ расходовъ.

Откуда же у революціонныхъ комитетовъ такія большія деньги? Во-первыхъ, они собираютъ большія суммы среди лицъ, сочувствующихъ смутамъ; а во-вторыхъ, получаютъ громадныя деньги отъ государствъ, которыя настроены къ Россіи враждебно и желали бы видѣть Россію разстроенной и слабой. Въ настоящее время не секретъ, какое государство и сколько денегъ истратило, чтобы устроить бунтъ на „Потемкинѣ“ или въ Финляндіи въ 1905 году. Хорошо также извѣстно, какое государство даетъ сейчасъ деньги нашимъ революціонерамъ.

Въ дополненіе ко всему сказанному о разныхъ смутьянахъ надо добавить, что среди нихъ подавляющее большинство составляетъ молодежь. Это обстоятельство заслуживаетъ нашего особаго вниманія. Люди всегда думали, что жизнь знаютъ только тѣ, кто долго самъ на свѣтѣ живетъ и въ то же время внимательно и долго присматривается къ жизни, изучаетъ ее. Люди твердо убѣждены, что за большія дѣла можетъ браться только тотъ, кто дѣлалъ много дѣлъ малыхъ и дѣлалъ ихъ съ успѣхомъ, чѣмъ и выдержалъ въ глазахъ окружающихъ лицъ какъ бы своего рода экзаменъ, а потому можетъ пользоваться довѣріемъ другихъ на дѣла большія. Что же мы видимъ въ революціи? Большинство работниковъ тамъ зеленая молодежь, большею частію не сумѣвшая свою-то жизнь хорошо устроить, да и жизни-то вовсе не знающая; а они берутся устранивать жизнь общества и даже цѣлаго государства. Посудите сами: въ силахъ ли они это сдѣлать? Ясное дѣло,—нѣтъ; а слѣдовательно, всѣ рѣчи и планы ихъ однѣ пустыя мечты, которыми жить нельзя. Вѣдь жизнь общества складывалась вѣками, постоянно должна улучшаться и улучшается, а они хотятъ ее передрѣлать чуть ли не въ мѣсяць: по ихъ мнѣнію, одна хорошая революція и всѣ будутъ счастливы. Само собою понятно, что это великая несообразность.

Почему ихъ слушаютъ?

Почему же люди соблазняются рѣчами революціонеровъ и охотно поступаютъ по ихъ совѣтамъ? А это потому, что революціонеры въ рѣчахъ своихъ всѣхъ жалѣютъ, о всѣхъ печалются и часто намѣренно описываютъ положеніе людей худшимъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ есть. Этимъ показнымъ участіемъ они подкупаютъ слушателей. Время теперь по всему свѣту, и у насъ также, тяжелое: народу стало много, жить стало тѣснѣе и труднѣе. А революціонеры всѣмъ обѣщаютъ облегченіе: крестьянину—землю, рабочему—высокую плату, воину—свободу отъ дисциплины, а всѣмъ людямъ—равенство и братство. Обѣщаютъ то, именно, о чемъ больше всего люди хлопчутъ и думаютъ, чему хочется вѣрить. Сами отъ себя революціонеры не способны и не въ силахъ ничего дать людямъ; а поэтому когда ихъ спрашиваютъ, что же дѣлать, они говорятъ: отними все, что тебѣ нужно, силой и завтра будешь счастливъ. Мѣры постепеннаго, но вѣрнаго и прочнаго улучшенія всей нашей жизни и порядковъ государственныхъ, проводимыя Правительствомъ и Государственной Думой, для людей простыхъ мало понятны. А революціонеры обѣщаютъ сдѣлать всѣхъ насъ завтра же счастливыми, и ничего не говорятъ о томъ, сколько несчастья можетъ принести эта быстрота въ нашу жизнь.

Что крестьянину нужна земля,—это вѣрно, но что ее нужно для того отнять у кого-нибудь, — это великое заблужденіе. Начать благоустроеніе землепашцевъ съ грабежа чужой собственности—дѣло крайне рискованное. Если въ человѣкѣ разбудить на- сильника и хищника, то тогда покажется возможнымъ и малоземельному селу отнимать землю у другого, имѣющаго большіе надѣлы. Дѣлать также придется тогда дома и хозяйства. На чемъ этотъ грабежъ окончится и гдѣ остановится,—объ этомъ и подумать страшно. Ужъ на что усердный и честный работникъ пчела, а если сильная пасѣка увидитъ около себя готовый медъ или пасѣку слабую, тогда она бросаетъ собираніе меда съ цвѣтовъ и занимается только хищничествомъ; а когда больше уже нечего бываетъ отнимать, пчела долгое время живетъ въ разстройствѣ, какъ очумѣлая, и меду съ цвѣтовъ не собираетъ. Съ человѣческимъ обществомъ произойдетъ тоже, но только въ болѣе обширномъ и ужасномъ видѣ.

Рабочій у насъ въ большинствѣ случаевъ получаетъ мало, а заграничій много; хотя количество получаемыхъ денегъ не можетъ

служить еще мѣрою благополучія, такъ какъ вся жизнь, а особенно пропитаніе человѣка за границей стоитъ неизмѣримо дороже, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, надо сказать, что образованный, подготовленный къ своему дѣлу рабочій и въ Россіи хорошо получаетъ. Усерднымъ трезвымъ и знающимъ работникомъ и у насъ, какъ вездѣ на свѣтѣ, всѣ дорожатъ и трудъ его хорошо оплачиваютъ. Но дѣло то вотъ въ чемъ: у насъ машинъ мало, и поэтому количество вырабатываемыхъ мастеровымъ издѣлій въ тотъ же срокъ значительно меньше, чѣмъ за границей. А цѣна издѣлій не высока, да примѣняясь къ заграничѣ, и не можетъ быть высокою. Вотъ и выходитъ часто, что рабочій нашъ получаетъ столько, на сколько онъ вырабатываетъ. Поэтому у насъ такъ всегда и бываетъ, что какъ только рабочіе добьются повышенія платы, то мы всѣ начинаемъ дороже платить за издѣлія и товары. Происходитъ увеличеніе благосостоянія однихъ за счетъ уменьшенія благополучія другихъ. Этотъ способъ, указываемый революціонерами, скорый, но хорошъ ли онъ? Очевидно, тутъ нужны другія средства. Правительство и Государственная Дума проводятъ свои, правда, медленныя и осторожныя, но крѣпкія и дѣйствительныя мѣры. Когда нашъ рабочій догонитъ своего заграничнаго собрата по примѣненію машинъ, образованію, умѣнію и старанію, тогда сравняется съ нимъ и въ платѣ. А пока равнять одно съ другимъ неразумно и невозможно.

Всякому человѣку дорога и нужна свобода, въ томъ числѣ до известной степени и для война. Но нельзя пользоваться всѣмъ свободой въ одинаковой мѣрѣ. Право на свободу надо заслужить. Воинъ, который ведетъ себя плохо, теряетъ довѣріе начальства и его стѣсняютъ въ свободѣ. Это вполне разумно и законно, вѣдь преступниковъ и сумасшедшихъ мы съ спокойной совѣстью лишаемъ свободы. Напротивъ хорошій, усердный, честный воинъ не испытываетъ стѣсненія свободы; онъ въ достаточной мѣрѣ,—насколько позволяетъ его служба,—свободенъ. Нужно только хорошо помнить, что большая, чѣмъ сколько ему дается свобода, будетъ вредна для воинскаго дѣла и ведетъ уже къ распущенности, при которой войско становится уже не войскомъ, а какою-то разбойническою шайкой.

Что же касается равенства и братства, которое всѣмъ обѣщаютъ революціонеры, то эти рѣчи въ наше время—пустыя бредни. Равенство и братство ни бумагой, ни палкой, тѣмъ болѣе сразу, въ сердцѣ человѣческомъ не воспитаешь. Во время французской революціи (это слишкомъ лѣтъ тому назадъ) народъ былъ подкупленъ

рѣчами о будущемъ равенствѣ и братствѣ; а, забравши власть въ свои руки, революціонеры въ первые четыре года казнили и убили 19.000 человекъ изъ тѣхъ, которые не сочувствовали ихъ дѣламъ и не одобряли ихъ. Вотъ хорошій примѣръ изъ жизни заграничной, на которую такъ любятъ ссылаться революціонеры; благо русскій человекъ о заграничѣ никакого понятія не имѣетъ, значитъ: говори что хочешь, никто возражать не будетъ. Правда, надо сказать, что за границей дано человеку больше правъ, но зато возложено и на него и больше обязанностей. Тамъ все стараются выполнить прежде всего свои обязанности, а потомъ пользуются правами. У насъ же на оборотъ: все требуютъ правъ, и объ обязанностяхъ не думаютъ, а то и просто ими пренебрегаютъ. Отъ этого по нашей собственной винѣ и наша общественная жизнь бываетъ такъ плоха.

Какъ долженъ вести себя воинъ?

Выяснивши, что за люди революціонеры, чего они добиваются, кому они служатъ, зададимъ теперь себѣ вопросъ: можно ли воину слушать ихъ рѣчи и быть для нихъ пособникомъ, т. е. участвовать въ бунтахъ. Конечно тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: какъ у всякаго честнаго человека, и у честнаго воина не можетъ быть ничего общаго съ людьми безчестными и вредными родинѣ. Для тѣхъ, кому этотъ отвѣтъ несовсѣмъ ясенъ, приведемъ доказательства.

Что такое воинъ, для чего онъ существуетъ, какъ его службу надо понимать всякому, не потерявшему здраваго смысла человеку? Воинъ оберегаетъ и хранитъ покой своей родины. Спокойствіе государства могутъ нарушить либо совнѣ какія-нибудь сосѣднія государства, либо изнутри какіе-нибудь бунтовщики. Тѣ и другіе суть враги родины, первые называются внѣшними врагами, вторые—внутренними. Изъ всехъ враговъ родины революціонеры—самые худшіе. Внѣшніе враги для насъ чужіе люди, внѣшнихъ враговъ мы всегда знаемъ: кто они, откуда они придутъ и что они будутъ дѣлать. А бунтари живутъ среди насъ и прикидываются своими; это—потайные враги, и потому самые опасные; для виду они хлопчутъ о нашемъ благѣ, а тайкомъ расшатываютъ крѣпость нашего государства и ослабляютъ его на радость враждебно-настроеннымъ къ намъ сосѣднимъ государствомъ, за что и получаютъ оттуда денежную помощь. Революціонеры—собственно внутренніе враги, работающіе на пользу враговъ внѣшнихъ. Это они прекрасно доказали въ 1905 году, во время нашей войны съ

Японіей. Весь міръ былъ удивленъ, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что русскіе революціонеры радостно поздравляли японцевъ съ побѣдой надъ русскими. Вотъ въ чемъ и когда вырвались наружу ихъ мысли и планы, вотъ гдѣ они открыли себя! Неужели же воину, призванному защищать свою родину, можно имѣть общеніе съ врагами родины?! Неужели найдется сила, которая могла бы заставить честнаго воина нарушить присягу и стать клятвопреступникомъ на радость нашимъ врагамъ!?

Но воинъ не можетъ успокоиться только на томъ, что онъ самъ не имѣетъ общенія съ революціонерами, что онъ не переходитъ на ихъ сторону. Нельзя думать, что если воинъ не сдѣлалъ ничего худого, то этимъ выполнилъ свой долгъ. Между тѣмъ у насъ есть много людей, которые не умѣютъ понять этого. Къ несчастію нашему, подобныя заблужденія встрѣчаются среди людей весьма часто и въ разныхъ областяхъ человѣческой жизни. Напримѣръ, многіе думаютъ: если я ничего худого не дѣлаю, то я хорошій христіанинъ. Это большая ошибка. Заповѣдь Спасителя ясна: *возлюби ближняго*. Если я люблю ближняго не словами, а сердцемъ, то я захочу дѣлать и буду дѣлать добро ближнимъ и прежде всего помогать несчастнымъ. Вотъ почему тѣмъ, которые нуждающимся не помогаютъ, Иисусъ Христосъ и скажетъ на судѣ Своемъ: „*Идите отъ меня въ огонь вѣчный*“. Если ты—воинъ, то у тебя одна обязанность и одно дѣло—защищать родину отъ враговъ. Это, правда, твердо знаетъ каждый воинъ, но какъ выполнить свою обязанность въ разныхъ случаяхъ жизни, не всякій сообразитъ. Въ 1905 году, бывало, поднимается бунтъ въ какой-нибудь воинской части. Бунтари работаютъ, а многіе солдаты до того растеряются, что, не желая участвовать въ бунтѣ, либо убѣгаютъ, чтобы ихъ не считали за бунтовщиковъ, либо просто, не участвуя въ бунтѣ, остаются при своей части и растерянно смотрятъ на то, что совершается на ихъ глазахъ. Такой воинъ, правда, въ худомъ дѣлѣ не участвуетъ, но это не значитъ, что онъ поступаетъ хорошо, что онъ исполняетъ свой долгъ. Ты—воинъ, вѣдь, тебя и на службу то брали, чтобы отразить внѣшняго врага, когда онъ нападаетъ на наше государство и чтобы поддерживать и защищать порядокъ внутри самаго государства. Значитъ, твоя служба нужна главнымъ образомъ во время войны внѣшней или смуты внутренней. Вѣдь только для такихъ случаевъ тебя и держатъ. Въ мирное время ты, можно сказать, не нуженъ и только учишься своему дѣлу. Слѣдовательно, во время смуты, происходящей на твоихъ глазахъ, что ты долженъ

дѣлать? Не прятаться, какъ трусь, не смотрѣть растерянно на происходящее, но тогда-то ты и обязанъ исполнить свой долгъ: непременно взяться за оружіе и оказать бунтовщикамъ противодѣйствіе. Если ты этого не сдѣлаешь, то воинскій законъ справедливо смотреть на тебя, какъ на преступника, пренебрегшаго долгомъ и присягой, и предаеть тебя суду. Да иначе и быть не можетъ. И какъ Христось осудить тѣхъ, кто не исполнилъ заповѣди любви, такъ и судъ земной покараетъ тебя за то, что ты не исполнилъ заповѣди защиты отечества отъ враговъ.

Изъ бунтовъ 1905 года мы приведемъ только два случая. Когда взбунтовался „Потемкинъ“, то оказалось, что все дѣло сдѣлала небольшая кучка матросовъ. А остальные въ это время, забывши долгъ и присягу, смотрѣли на бунтъ, какъ испуганные овцы, а не какъ храбрые защитники порядка своей родины. Когда же произошелъ бунтъ на „Памяти Азова“, то хотя бунтовщики и захватили врасплохъ корабль, но лучшіе изъ команды, помня присягу и правильно понимая, что въ такихъ случаяхъ долженъ дѣлать воинъ, разъяснили и напомнили объ этомъ другимъ, и тотчасъ все исполнили свой долгъ, взялись за оружіе и послѣ схватки одолѣли революціонеровъ. Вотъ почему Потемкинцы приняли срамъ на свою голову въ глазахъ всѣхъ честно мыслящихъ людей и когда они возвращались изъ заграницы на родину, то тутъ, въ Россіи, ихъ предали суду и подвергли наказанію по закону; ибо другой чести они и не заслуживали. Между тѣмъ Азовцы были почтены наградами, какъ честно выполнившіе свои обязанности по службѣ и давшіе прочимъ воинамъ примѣръ того, какъ надо вести себя во время смуты. То же неоднократно повторялось и при бунтахъ въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи.

Итакъ, воинъ не можетъ ни участвовать въ бунтѣ, ни оставаться равнодушнымъ или растеряннымъ зрителемъ смуты. Но и этимъ еще не ограничиваются его обязанности. Въ присягѣ, которую даетъ воинъ предъ началомъ службы, сказано: *„Объ ущербѣ же ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не только благовременно объявлять, но и всякими мѣрами не допустить постараясь“* (потщуся). Эти слова означаютъ, что если ты какъ-либо узнаешь о томъ, что злые люди задумали что-либо вредное для Государя и родины, ты, воинъ, обязанъ объ этомъ своевременно дать знать начальству и всякими мѣрами не допустить этого вреда. Предъ Крестомъ и Евангеліемъ ты поклялся такъ поступать, а у насъ многіе

и очень часто неправильно понимают эти слова присяги. Въ какой-нибудь воинской части затѣвается смута, многіе объ этомъ знаютъ, но никто ничего не говоритъ о томъ начальству, потому что считаютъ, будто объявившій поступить нехорошо, не по-товарищески. Глубоко заблуждается тотъ, кто такъ думаетъ. Правда, всякій человѣкъ обязанъ помочь своему ближнему, но только въ дѣлѣ хорошемъ; отъ худого же дѣла онъ обязанъ отговорить его. Станетъ ли честный человѣкъ помогать даже близкому другу, если бы тотъ задумалъ разбой, или грабежъ? Конечно, нѣтъ. А если бы тотъ, не получивъ твоей помощи и сочувствія, все же рѣшилъ бы самъ и безъ посторонней помощи сдѣлать задуманное? Послѣ такого рѣшенія онъ перестаетъ быть тебѣ товарищемъ, онъ уже для тебя чужой человѣкъ. А если это происходитъ въ дѣлѣ воинской службы, то онъ уже тебѣ даже врагъ. Товарищами называются не всѣ, а только тѣ, кто одинаково съ нами думаютъ, одинаково поступаютъ, уважаютъ то, что мы уважаемъ, съ любовію служатъ тому, чему мы съ любовію служимъ. Товарищи—это мои единомышленники. Если же я оберегаю покой родины, а тотъ, кого я считалъ товарищемъ, нарушаетъ этотъ покой; если я исполняю данную присягу, а онъ является клятвопреступникомъ; если я стараюсь быть полезнымъ для родины, а онъ причиняетъ ей вредъ; то какой же это товарищъ?! Это—врагъ моей родины и Государя. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мой врагъ. О преступныхъ намѣреніяхъ такого человѣка я по здравому смыслу и по присягѣ обязанъ объявить, чѣмъ можетъ быть предотвращенъ явный вредъ для государства. Если бы во время войны ты узналъ о какихъ-нибудь тайныхъ замыслахъ непріятели, неужели ты объ этомъ не донесъ бы по начальству? Смута есть та же война, только внутренняя, и бунтарь есть такой же врагъ, только внутренній,—еще болѣе опасный. Неужели помнящій присягу солдатъ не объявить о немъ начальству? Можетъ быть, кого-либо удержать отъ объявленія о бунтарѣ то соображеніе, что бунтарь будетъ наказанъ. Не безпокойся, онъ самъ зналъ, на что шелъ и чѣмъ рисковалъ. Онъ о тебѣ не заботился, тебя не жалѣлъ и, когда ему понадобится, жалѣть тебя не станетъ. Найдутся, можетъ быть, люди, которые истолкуютъ эти слова превратно и станутъ говорить, что этимъ я научаю воиновъ наушничать и заниматься доносами другъ на друга во всѣхъ случаяхъ службы. Боже сохрани! Я этого не говорю и никогда не скажу, такъ какъ самъ хорошо понимаю, что фискальство портить людей и дѣло. Я говорю про объявленія о случаяхъ чрезвычайной важности, которые ука-

заны въ нашей присягѣ и тамъ перечислены. Если бы кто-нибудь покушался погубить твою родную мать, неужели ты не объявилъ бы ей объ этомъ, неужели не указалъ бы, кого она должна опасаться? Родина есть наша общая мать, и когда мы узнаемъ, что злые люди задумали изранить, истерзать своими смутами нашу великую общую мать, неужели мы не примемъ всѣхъ необходимыхъ мѣръ къ ея оборонѣ и защитѣ? Обороной этой вѣдаетъ начальство, ему и надо знать, откуда ждать враговъ и кто они.

Кто виноватъ?

Заканчивая свое обращеніе къ вамъ, воины христоробивые, прошу васъ подумать надъ слѣдующимъ вопросомъ: одни ли революціонеры повинны въ той смутѣ, которая нарушаетъ покой нашего дорогого отечества? Нѣтъ во многомъ виноваты здѣсь и мы. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ мы малыя дѣти, не отвѣчающія за свои поступки? Воръ виноватъ предъ тобой въ томъ, что онъ похитилъ что-либо изъ твоего имущества. Но виноватъ и ты, что плохо заперъ, спряталъ или худо охранялъ свое добро. Спаситель въ одной изъ своихъ притчей говорить: „посѣялъ чловѣкъ пшеницу, а когда онъ заснулъ, пришелъ врагъ и посѣялъ среди пшеницы сорныя травы“. Вотъ и мы также спимъ, плохо бережемъ свое, величайшее въ мірѣ, дорогой цѣной крови созданное государство, а врагъ дѣлаетъ свое дѣло усердно. Мы-то сами принимаемъ ли какія-нибудь мѣры къ тому, чтобы сохранить государственное достояніе отъ разрушительной работы смутьяновъ? Нѣтъ, Наши прадѣды, дѣды и отцы копили и наживали землю и силу государственную, а мы равнодушно смотримъ, какъ эту силу на нашихъ глазахъ злые люди распатываютъ и разрушаютъ. Эти слова—истина, такъ вѣдь оно на самомъ дѣлѣ и есть. Отчего же это? Неужели мы сами сдѣлались себѣ врагами? Неужели мы сами желаемъ себѣ зла. Нѣтъ, не отъ этого. А отъ того, что мы всѣ нравственно опустились, мы стали во всемъ плохи, куда насъ ни поставь. Мы стали плохими воинами на службѣ, плохими гражданами въ отечествѣ. Вспомнимъ времена нашихъ доблестныхъ прадедовъ, хотя бы въ Отечественную войну 1812 года, столѣтній юбилей которой недавно былъ торжественно отпразднованъ по всей Россіи. Половина тогдашнихъ землепашцевъ-крестьянъ не имѣли ни одного вершка собственной земли, а сами еще находились въ крѣпостной зависимости у господъ. Тяжелое это дѣло—рабство; слава Богу, что оно миновало. И вотъ пришелъ тогда войной на русскую

землю французскій императоръ Наполеонъ. Чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, чтобы удержатъ ихъ отъ выступленія на защиту Отечества, онъ чрезъ шпионовъ разослалъ русскимъ крестьянамъ грамоты, что онъ дастъ имъ свободу и сдѣлаетъ собственниками той земли, которую они обрабатывали у помѣщиковъ. Возможно ли было на землѣ счастье большее того, которое предлагалъ нашимъ землепашцамъ Наполеонъ?! Однако, не было примѣровъ, чтобы крестьяне того времени замарали свою совѣсть службой у Наполеона, а, напротивъ, всѣ они, какъ одинъ человекъ, поднялись на защиту родины и наносили вредъ непріятелю. А теперь крестьянинъ имѣетъ хоть и маленькій, но собственный, клочекъ земли и пользуется драгоцѣннѣйшимъ благомъ—свободой. Онъ находится въ болѣе счастливыхъ по сравненію съ нашими прадѣдами условіяхъ, а покажутъ ему революціонеры гдѣ-то въ туманѣ кусочекъ земли, и забылъ несчастный крестьянинъ благо государственное, забылъ увѣщанія и слова Царскія, беретъ онъ въ одну руку огонь, а въ другую топоръ, и идетъ, какъ разбойникъ, грабить, жечь и убивать. Мы часто какъ бы съ упрекомъ говоримъ, что прадѣды наши были люди темные. Да, правда, грамоты они не знали, какъ мы теперь; но за то имѣли они умъ свѣтлый, душу чистую и любовь къ родинѣ и вообще были добрыми христіанами; за то и называлась наша родина тогда „Святою Русью“. А мы это духовное наслѣдство растеряли, мысли наши помутились, оттого всякіе смутьяны и находятъ себѣ откликъ въ нашемъ сердцѣ.

Если мы обратимъ наше вниманіе, воины христіанскіе, на свою воинскую братію, то, къ сожалѣнію, увидимъ и тутъ много печальнаго. Послушайте разговоры нашего солдата и вы убѣдитесь, что онъ вѣчно не доволенъ. Кѣмъ и чѣмъ? А Господь его знаетъ. Наши прадѣды служили по 25 лѣтъ, жили въ убогихъ лачугахъ или на маленькихъ, темныхъ и холодныхъ корабляхъ, питались сухарями, одежду и аммуницію носили тяжелую, жалованье получали грошиками. И если они не могли назвать себя счастливыми, то все же на Бога не роптали, а честно, съ христіанскою покорностью Промыслу Божію, несли свою службу, сознавая, что дѣло ихъ высокое, святое и для государства необходимое, что кому-нибудь да надо же нести эту службу. Нынче служба въ арміи 3—4-лѣтняя, а во флотѣ — пятилѣтняя, казармы похожи на дворцы, корабли теплые, свѣтлые и помѣстительные, пища вкусная и питательная, одежда прекрасная, а жалованье—такая сумма, какой для своихъ нуждъ многіе до службы и на рукахъ своихъ не держали. Нынче если

приходить человѣкъ на службу Царскую неграмотнымъ, то уходитъ грамотнымъ; всѣ спеціаллисты получаютъ прекрасное образованіе; а многіа изъ спеціальностей (особенно во флотѣ, инженерныхъ и артиллерійскихъ войскахъ) таковы, что по окончаніи службы даютъ до смерти вѣрный и хорошій кусокъ хлѣба. Здраво разсуждая, казалось бы, откуда тутъ взяться недовольству? Тѣмъ не менѣе недовольство сильно развито среди нижнихъ чиновъ. Откуда же оно? Да навѣяно со стороны, какъ зараза занесена къ намъ усердіемъ всякихъ смутьяновъ. Эти господа прекрасно понимаютъ, что пока человѣкъ своимъ положеніемъ доволенъ, то онъ дорожить и крѣпко держится за то дѣло, къ которому приставленъ. При такомъ настроеніи онъ ничего не ищетъ, ничего новаго не желаетъ, ничего не добывается и всѣ силы, время и способности отдаетъ своему дѣлу. Но стоитъ только въ человѣкѣ поселить недовольство своей долей, его отношеніе къ службѣ совершенно мѣняется; недовольный человѣкъ уже не слуга своему дѣлу, оно его тяготитъ, всякіе пустяки даютъ поводъ къ новымъ и частымъ раздраженіямъ, а чувство недовольства дѣлается все крѣпче и больше. Служба становится ему адомъ. Съ этого момента революціонеры и начинаютъ свою настоящую работу. Вы вѣдь знаете, что для того, чтобы посѣять хлѣбъ, надо сначала вспахать землю; чтобы выковать что-нибудь изъ желѣза, надо раскалить его до красна и черезъ это сдѣлать его ковкимъ. Такъ и здѣсь. Доведенный до крайней степени недовольства человѣкъ вдобавокъ къ этому дѣлается озлобленнымъ. Душевный покой человѣка окончательно нарушенъ, и онъ совершенно теряетъ способность правильно разсуждать по большому вопросу. Тогда революціонеры и начинаютъ давать недовольному совѣты, что надо дѣлать. Совѣтъ у нихъ всегда и вездѣ одинъ: поднять знамя бунта. Потерявшій голову отъ недовольства и озлобленія человѣкъ охотно принимаетъ совѣтъ и разрабатываетъ планъ бунта. Такъ хитро ведетъ свою линію революціонеръ. Ну, а ты, воинъ христоробивый, куда смотришь? Зачѣмъ позволяешь опутывать себя паутиной? Неужели ты не могъ сообразить, что недовольство-то все время вызывалось въ тебѣ обманными рѣчами? Твое положеніе всегда сравнивали съ офицерскимъ. Да вѣдь офицеръ лучшую пору человѣческой жизни—отъ 10 до 19—20 лѣтъ—провелъ въ нелегкой работѣ взаперти между четырехъ стѣнъ училища. Офицеръ, какъ и каждый нижній чинъ, свое оттерпѣлъ въ теченіи 9—10 лѣтъ, а у тебя службы всего 3—5 лѣтъ. Офицеръ, подвергаясь всѣмъ опасностямъ военной и морской службы, подчиняясь строгимъ требованіямъ воинской дисциплины

и потомъ еще 35 лѣтъ будетъ служить воинскому дѣлу, а ты послѣ 5-лѣтней службы будешь давно уже свободенъ. Можно ли сравнивать службу солдата и офицера? Твою службу надо сравнивать съ жизнью такого же воина, какъ и ты. Если же мы возьмемъ службу за границей, то въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ воинская повинность, солдатъ и матросъ находятся въ одинаковыхъ съ тобой условіяхъ. А если сравнивать теперешнюю службу со службой прежней или со службой въ другихъ частяхъ нашихъ войскъ, и въ другихъ мѣстахъ, то намъ останется только Бога благодарить. Здраво разсуждая, надо признать, что особыхъ поводовъ къ недовольству службой у насъ нѣтъ и быть не должно. Многіе и не чувствуютъ недовольства, но рѣчами недовольныхъ и послѣдними событіями все таки смущены. Какъ же это выходитъ? Это значить, что мы, слушатели чужихъ рѣчей, сами виноваты. Если земля хорошая, чистая, выростетъ ли на ней сама собой сорная трава? Конечно, нѣтъ. А мы изъ себя представляемъ удобную почву для сѣянія революціонеровъ. Мы земля запущенная, плохая, вотъ и растетъ на ней всякій бурьянъ. Воинъ долженъ имѣть крѣпкую вѣру въ Бога, въ Его Промыслъ и Его святую волю. А мы что собою представляемъ? Вѣра у насъ есть, но она слабая, тепло-хладная, какая-то едва замѣтная и осязаемая. Воинъ призванъ защищать Вѣру Православную, а мы спокойно слушаемъ надругательства надъ нею всякихъ безбожниковъ. Воинъ долженъ горѣть любовью къ Царю и родинѣ, она должна захватывать все его сердце, а у насъ эта любовь, если и есть, то лишь слабо тлѣетъ гдѣ-то въ самомъ далекомъ уголкѣ сердца. Воинъ долженъ твердо помнить, что служба его великая и отвѣтственная и, какъ всякое важное дѣло, требуетъ отъ него большого труда; а у насъ склонны предъявлять къ ней такія требованія, будто служба — развлеченіе. Всякое большой важности дѣло требуетъ отъ человѣка жертвъ, а мы думаемъ только о льготахъ. Всякій воинъ долженъ твердо помнить, что онъ есть защитникъ порядка, а мы или сами замышляемъ беспорядки, или равнодушно смотримъ, какъ на нашихъ глазахъ нарушается законъ и порядокъ. Всякій воинъ долженъ твердо помнить присягу, т. е., въ чемъ онъ давалъ клятву, а мы очень часто забываемъ изъ нея многое и весьма существенное. Государь во всѣхъ отношеніяхъ облегчилъ по сравненію съ прежнимъ и улучшилъ службу воина, а мы вмѣсто того, чтобы по чувству благодарности увеличить наше усердіе къ дѣлу, начинаемъ смотрѣть на себя, какъ на какихъ-то „вольныхъ“ людей. Скажите:

развѣ мы похожи на то, чѣмъ должны быть? Мы сами то стали плохи, а поэтому и принимаемъ на себя все плохое, навѣваемое на насъ со стороны. Извѣстно, что къ человѣку, серьезно наблюдающему за своимъ здоровьемъ и берегущему себя, не пристанетъ никакая зараза. А мы заражаемся; значить, виноваты мы сами. Наши предки были не такими, какъ мы теперь, а поэтому и въ дѣлахъ своихъ не были похожи на насъ. Тѣ противъ честныхъ воиновъ ходили въ бой одинъ противъ пятерыхъ; а мы, цѣлыми сотнями, теряемся противъ небольшой кучки бунтовщиковъ, которые, совершая дѣло завѣдомо худое, обнаруживаютъ трусость при всякомъ серьезномъ сопротивленіи. Наши предки, будучи численно слабѣе насъ, въ 1812 году побѣдили всю Европу, приведенную къ намъ съ войскомъ 20-ти народовъ искуснѣйшимъ полководцемъ Наполеономъ. Наши предки создавали государство, а мы растерянно смотримъ на попытки разрушить его. Наши предки въ бой и на парады ходили подъ командой своихъ начальниковъ, а воины нашего времени въ 1905 году 14-го ноября парадировали предъ какой-то еврейкой... Такого сраму нигдѣ въ свѣтѣ не видано, а до этого срама довело насъ забвеніе долга, наше нравственное паденіе...

Италъ, братія-воины, всѣ мы виноваты въ дѣлѣ смуты: одни больше, другіе меньше; одни непониманіемъ своихъ обязанностей, другіе нерадѣніемъ о порученномъ имъ дѣлѣ; вотьпочему, будучи защитниками порядка на Родинѣ, мы перестали быть страшными для злоумышляющихъ людей. Искушимъ же нашу вину предъ родиной и Обожаемымъ нашимъ Вождемъ, ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ. Проникнемся тѣми требованіями, какія предъявляетъ къ воину долгъ службы. Пусть каждый изъ насъ дастъ себѣ слово впредъ исполнять принятую нами присягу до послѣдней капли крови. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, дружно сплотимся около имени своего Государя, какъ около знамени; а всѣмъ бунтарямъ и смутьянамъ, замышляющимъ покрыть новымъ срамомъ головы славныхъ своими прошлыми дѣяніями арміи и флота, честно, смѣло и властно скажемъ: „прочь руки отъ святого и высокаго, врученнаго намъ дѣла,—защиты Родины!“

Свящ. Н. Дмитріевскій.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

— Изъ Гродно. 12 минувшаго сентября текущаго года нашъ городъ былъ свидѣтелемъ рѣдкаго по своей грандіозной обстановкѣ церковнаго торжества.

Въ этотъ день состоялось перенесеніе чудотворнаго въ копіи образа Смоленской Божіей Матери изъ лагеря 26 пѣхотной дивизіи въ Гродненскую Свято-Покровскую гарнизонную церковь. На бородинскихъ торжествахъ этимъ образомъ (25 августа) архипастырь столярнаго града Москвы, митрополитъ Владиміръ, по изволенію Государя Императора, благословилъ войска и вручилъ его полкамъ входившимъ въ составъ 3-й пѣхотной дивизіи въ день славной Бородинской битвы. Къ названной дивизіи принадлежалъ тогда и расположенный нынѣ въ г. Гродно 103-й пѣхотный Петрозаводскій полкъ. Въ назначенный для перенесенія образа Пресвятой Владычицы день въ 10 часовъ утра изъ лагерной церкви полка вышелъ крестный ходъ, сопровождаемый духовенствомъ 26 пѣхотной дивизіи во главѣ съ о. благочиннымъ, священникомъ М. Радугинымъ. За Нѣманскимъ мостомъ, на пути къ гарнизонной церкви, къ крестному ходу присоединилось также и духовенство находящихся въ г. Гроднѣ городскихъ и военныхъ церквей. Величественную и глубоко умилительную картину представляло церковное шествіе: шпалерами разставленные и протянувшіяся красивой и длинной лентой войска, торжественный перезвонъ колоколовъ, гармоничные аккорды священнаго гимна, непрерывно исполняемаго нѣсколькими оркестрами военной музыки, прекрасное пѣніе соединенныхъ церковныхъ хоровъ пѣвчихъ, одѣтыхъ въ контушахъ, сонмъ сверкающихъ золотымъ облаченіемъ духовенства и полная высокаго религіозно-благоговѣйнаго чувства масса военныхъ отъ высшихъ до низшихъ начальниковъ и гражданскихъ чиновъ и семействъ ихъ, несущихъ Царицу Небесную, Взбранную Воеводу. И при молитвенномъ взорѣ на Владычицу и Заступницу усердную, невольно вѣдрялось въ сердце каждаго русскаго человѣка дивное воспоминаніе шествія Святой Иконы Богоматери среди рядовъ доблестной русской арміи на Бородинскомъ полѣ. Проносились предъ умственными очами въ яркомъ свѣтѣ художественнаго разсказа творца „Войны и Мирь“ тѣ захватывающія религіозное чувство священныя минуты, когда склоняя колѣна душъ изъ сердець, съ пламенной вѣрой молились русскіе воины предъ чудотворнымъ образомъ Царицы Небесной. И властно просился на память незабвенный моментъ, когда на полѣ грядущей брани „шло духовенство въ ризахъ: дымилась кадила, оглашался воздухъ пѣніемъ и шествовала Святая Икона. Падала на колѣна стотысячная армія, припадала челомъ къ землѣ, которую готова была упоить досыта своею кровью“. Великое, святое воспоминаніе! И опять оно сильно. Свѣтлый лучъ солнца пронизывалъ покровъ сѣдой старины, когда крестный ходъ приблизился къ чудному храму Пермскаго и Петрозаводскаго полковъ, именуемому „войсковой“ церковью. Тамъ на ши-

рокомъ полѣ Бородина, „взойдя на гору остановилась Святая Икона. Сіяютъ лучи солнца. Зажгли кадила и начался молебенъ“. Ярко горитъ огнями войсковой храмъ. Пришла и стала въ немъ Царица Небесная. Дымятся кадила оо. діаконовъ и служится молебенъ. И какъ нѣкогда колѣнопреклоненный предъ образомъ Пречистой молился и опускалъ до земли съдую голову свою защитникъ родины Кутузовъ, молились въ храмѣ военачальники, Царевы слуги вѣрные, и склоняли колѣна предъ святой иконой Богоматери. А потомъ встали, чтобы выслушать съ глубокимъ вниманіемъ прекрасную рѣчь о. ключаря Гродненскаго кафедральнаго собора, протоіерея Михайловскаго. Отмѣтивъ значеніе событія для воинской семьи Гродненскаго гарнизона и особенно Петрозаводскаго полка, о. протоіерей заканчивая свою рѣчь, между прочимъ, говорилъ: „Взирая на сію св. икону вспоминайте, воины христілюбивые, дни древніе, дни славные и поучайтесь. Взирая на сію св. икону, воодушевляйтесь на подвиги воинской чести и славы примѣромъ великихъ вашихъ предковъ, въ годину ниспосланнаго Богомъ нашей родинѣ тяжелаго испытанія ставшихъ подъ Ея покровъ и защиту. Молитесь Взбранной Воеводѣ такъ, какъ, молились русскіе воины въ вѣчной памяти достойные дни славнаго Бородинскаго боя. И, Она, Всемилостивая, вашихъ сердечныхъ моленій не презритъ. Она отъ бѣдъ, скорбей и напастей васъ избавитъ. Если же Господь судитъ послать вамъ испытаніе и призоветъ васъ на поле брани стать защитниками св. нашей Вѣры, Царя и Отечества, рвеніемъ Она,— Матерь милосердія, будетъ съ вами и на ратномъ полѣ, какъ сто лѣтъ тому назадъ съ предками вашими на Бородинскомъ полѣ и, въ мольбахъ предъ Господомъ Богомъ Всесильная, Она обильно подастъ вамъ крѣпость силъ съ мужествомъ духа и на враговъ и супостатовъ славную побѣду и полное одолѣніе“. Засимъ о. протоіакономъ произнесено было многолѣтне Верховному Вождю русской арміи, христілюбивому воинству и вѣчная память въсьмъ живото свой на полѣ брани положившимъ. Церковное торжество закончилось парадомъ войскамъ Гродненскаго гарнизона, послѣ чего присутствовавшее въ храмѣ духовенство во главѣ съ представителемъ мѣстнаго Владыки (Архіепископъ Михаилъ не могъ принять участія въ крестномъ ходѣ вслѣдствіе недомоганія), высшіе военные начальники и власти различныхъ гражданскихъ учрежденій города гостепріимными виновниками торжества—петрозаводцами были приглашены въ гарнизонное собраніе на завтракъ. Искрилась здѣсь задушевная бесѣда горячимъ чувствомъ гостовъ во имя родины и доблестныхъ ея сыновъ и сверкала огнями сердечности рѣчей посвященныхъ благодарной памяти переживаемыхъ минутъ великаго прошлаго дорогаго отечества. Не забыто было (въ рѣчи командира корпуса, генераль-лейтенанта Шейдеманъ) и военное духовенство, съ честью исполнившее свой долгъ и „добрымъ подвигомъ подвижавшееся“ въ тяжелую годину Отечественной войны.

Священникъ *Николай Гончаровъ*.

ХРОНИКА.

20 Октября, въ день кончины въ Возѣ почивающаго Государя Императора Александра III, о. Протопресвитеръ Г. I. Шавельскій, въ сослуженіи представителей гвардейскаго духовенства, совершилъ заупокойную литургію и панихиду въ церкви Преображенскаго кладбища (близъ Спб.).

14 минувшаго октября, по благословенію Владыки-Митрополита Антонія, съ крестнымъ ходомъ съ Николаевского вокзала въ Введенскую церковь л.-гв. Семеновскаго полка были перенесены двѣ иконы Новоявленнаго Чудотворца Святителя Іоасафа и св. Великомученицы Екатерины, предназначенныя для постановки въ новосоружаемомъ придѣлѣ на хорахъ полковой церкви съ правой стороны во имя названныхъ святыхъ. Перенесенныя иконы были освящены въ Бѣлгородѣ на мощахъ св. Іоасафа, куда нарочито, по желанію устроителя престола прихожанина Е. II. Капустина ѣздилъ настоятель церкви, пр. о. Алексѣевъ. Ко времени прихода Ростовскаго поѣзда въ парадныхъ комнатахъ Николаевского вокзала собрались офицеры полка во главѣ съ командиромъ его, полковое духовенство и митрофорный прот. С. А. Голубевъ, а также мн. изъ Введенскихъ прихожанъ. По совершеніи въ вокзалѣ краткаго молебна, крестный ходъ направился по Невскому просп., Николаевской ул., Стремянной и Загородному просп. При входѣ въ церковь крестный ходъ съ множествомъ богомольцевъ былъ встрѣченъ Его Высокопреподобіемъ, о. Протопресвитеромъ, совершившимъ затѣмъ Божественную литургію и молебенъ Святителю Іоасафу и о здравіи болящаго НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСІЯ НИКОЛАЕВИЧА.

Освященіе новосоружаемаго придѣла состоится 18 ноября ¹⁾.

Обновленіе Троицкаго л.-гв. Измайловскаго полка собора.

23 сентября текущаго года въ Троицкомъ л.-гв. Измайловскаго полка соборѣ происходило радостное торжество.

Полтора года тому назадъ чудной архитектуры Троицкій соборъ стоялъ грязно-сѣрымъ, запущеннымъ и внутри и снаружи. Громадный по размѣрамъ, онъ требовалъ для ремонта своего громадную сумму. На казенную субсидію надежды не было; на счетъ собора устроить ремонтъ и думать было нельзя: на соборѣ оказались крупной суммы долги, на уплату которыхъ шли всѣ небольшіе сравнительно доходы собора. На увеличеніе доходовъ чрезъ притокъ молящихся не было надежды, такъ какъ грязный и пыль-

¹⁾ По сообщ. П. А. А.

ный соборъ, влѣдствіе полной непригодности отопленія, былъ, кромѣ того, холоднымъ зимой... И казалось не было выхода... Но Господь послалъ Свою милость.

Назначенный въ іюлѣ прошлаго года настоятелемъ собора прот. В. Н. *Грифцовъ* быстро сумѣлъ возжечь ревность и въ причтѣ и въ прихожанахъ, прежде совершенно равнодушныхъ къ собору. Не прошло и полгода, какъ около ревностнаго настоятеля объединяются нѣсколько состоятельныхъ прихожанъ во главѣ со старостою собора—*П. Θ. Харламовымъ*. И, когда о. настоятель въ горячей рѣчи призвалъ прихожанъ на помощь себѣ въ трудномъ дѣлѣ ремонта собора, прихожане съ радостью понесли тысячи и сотни. Въ первую недѣлю послѣ открытія сбора на ремонтъ собрано было около 10 тысячъ: староста собора *П. Θ. Харламовъ* далъ двѣ тысячи, представители прихода: *Н. П. Кабановъ*—тысячу, *В. В. Холодовскій*—тысячу; *И. А. Никольскій* триста р.; ревностные прихожане домовладѣльцы: покойный *В. А. Игнатьевъ*—тысячу, *П. Е. Михайлова*—двѣ тысячи, пожелавшая остаться неизвѣстною—тысячу, *Бутовская*—билетъ въ 500 рублей; *Дрябинъ*—500 р., *Урлихсонъ*—300 р., братья *Даниловы*—двѣсти, *А. В. Данилова*—двѣсти, *Сиротинъ*—200 рублей.

Отъ о. прот. *Н. В. Сахарова* ко дню обновленія собора приступили облаченія на пять священниковъ, трехъ діаконовъ и псаломщика.

Захотѣлъ и полкъ принять участіе въ ремонтѣ, рѣшившись на свой счетъ освѣтить электричествомъ наружный крестъ на главномъ куполѣ. О. настоятелю ясно стало, что ремонтъ безъ перемѣны типа отопленія не будетъ имѣть настоящаго своего значенія; при первой же топкѣ перегорѣвшія, испортившіяся старыя печи закоптятъ весь соборъ. И онъ, ободренный щедрыми жертвами прихожанъ, рѣшилъ ввести въ соборѣ паровое отопленіе, надѣясь, что при необходимости загорѣвшіеся ревностью къ благолѣпію храма прихожане не оставятъ его безъ помощи...

Съ начала минувшаго іюня закипѣла въ соборѣ работа, а къ концу сентября можно уже было совершить и освященіе собора.

23 сентября въ 10 ч. утра прибылъ въ соборъ о. Протопресвитеръ и торжественно встрѣченный въ соборѣ причтомъ и представителями прихожанъ, приступилъ къ совершенію литургіи въ сослуженіи Помощника своего, о. протоіерея *І. В. Морева*, благочиннаго, о. прот. *П. В. Николаевскаго*, о. настоятеля прот. *В. Н. Грифцова* и прот. *Н. В. Сахарова*.

Въ концѣ литургіи о. Протопресвитеръ говорилъ проповѣдь, въ которой благодарилъ жертвователей, высказывая радость тому, что они не поддались лукавымъ рѣчамъ современныхъ Іудѣ предателей. „Какъ Іуда, когда увидѣлъ, что женщина, разбивъ сосудъ, помазала ноги Христа драгоценнымъ миромъ, сказалъ: зачѣмъ такая трата? для чего бы не продать это миро за триста динаріевъ и не раздать нищимъ? Сказалъ же это онъ не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому, что былъ воръ (Іоанна XII,

4. 5. 6). Такъ и современные Гуды часто говорятъ: зачѣмъ на храмы жертвуете? лучше на школы... Но только говорятъ такъ, на школы же не даютъ, а все тратятъ на удовлетвореніе своихъ страстей и похотей“... вѣтъ отъиодн вѣой яа ииннвргнвнвн

Послѣ литургіи, предъ молебномъ, прихожане выразили адресомъ свою благодарность и оживотворявшей всѣхъ душъ ремонта— о. настоятелю.

Ремонтъ Троицкаго л.-гв. Измайловскаго полка собора яркое свидѣтельство того, какъ отзывчива русская православная душа, какъ любить она свой св. храмъ... Но ярче всего ремонтъ собора показываетъ, что при ревности самого пастыря къ великому своему дѣлу и любви къ паствѣ всѣ затрудненія въ приходской жизни легко и успѣшно разрѣшаются... При ревностныхъ пастыряхъ и паства будетъ ревностною къ дѣлу Божьему.

Свящ. *И. Егоровъ.*

Отъ редакціи.

Вновь поступило на стипендію имени о. протоіеря **А. А. Ставровскаго**: отъ свящ. о. **И. Попова**—1 р., отъ священ. благочинія 5 кавал. дивизіи—9 р.; отъ свящ. о. **Н. Любецкаго**—5 р., отъ о. прот. **А. Измайлова**—10 р., а всего съ прежде поступившими—**622 руб. 75 коп.**

Редакторъ, прот. **Евгеній Запольскій.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть официальная: Распоряженія о. Протопресвитера. — **Часть неофициальная:** Правда о смутѣ (слово пастыря къ воину). Свящ. **Н. Дмитріевскаго.**—**Корреспонденція** (изъ Гродно).—**Хроника.**—**Отъ редакціи:**

Отъ Спб. Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается 30 октября 1912 г. Цензоръ, Архимандритъ **Василій.**

Тивографія „Сельскаго Вѣстника“, Спб., Мойка, 32.